

ДИСПЕРСИЯ
ЛОЯЛЬНОСТИ

Анри
Малле

16+

Шпионы тоже люди

Анри Малле

Дисперсия лояльности

«Автор»

2019

Малле А.

Дисперсия лояльности / А. Малле — «Автор», 2019 — (Шпионы тоже люди)

Первая книга из цикла «Шпионы тоже люди». «Дисперсия лояльности» – шпионский роман, написанный в лучших традициях этого жанра. Динамичный сюжет, замешанный на политических интригах и подковёрной войне внутри самого КГБ. Обаятельный и харизматичный молодой сотрудник КГБ Лазарев виртуозно выполняет задания, обходит противника, выверяя каждый шаг и все равно балансируя на краю пропасти. Все это делает книгу увлекательной, захватывающей и невероятно интересной. События происходят в начале 60-х годов прошлого века. В этой истории использованы реальные факты, но многие из них являются спорными и не имеют документального подтверждения. Книга не претендует на документальность, это остросюжетный роман о событиях прошлого.

© Малле А., 2019

© Автор, 2019

Содержание

1	6
2	9
3	11
4	13
5	16
6	18
7	22
8	25
9	27
10	29
11	32
12	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Анри Малле

Дисперсия лояльности

*Самое простое в жизни – понять,
какой мост следует перейти, а какой сжечь.
Эрих Мария Ремарк*

1

СССР. Москва – Франция. Париж. 1963-1964 гг.

СССР, Москва, площадь Дзержинского.

Восходящее солнце лишь тронуло крыши в осенней Москве, давая тени длинные и прозрачные. Казалось, этот золотисто-розовый свет подсвечивает город снизу на фоне неба фиолетово-синих оттенков и оранжевых с золотом облаков. А жизнь на улицах уже вовсю бурлила и гудела особым букетом звуков, присущим лишь большим городам.

Громада здания КГБ из серого и розового гранита на площади Дзержинского выглядела спокойно и величественно. Но так казалось только снаружи. Внутри строения, наполненного кабинетами, темницами, архивами, кипела жизнь.

Майор Специального отдела КГБ Анатолий Лазарев сидел в кабинете начальника и внимательно слушал информацию для нового задания. Он задумчиво провёл рукой по русым волосам, слегка торчащим на макушке и придающих владельцу немного задиристый вид. А говорил генерал Ершов удивительные вещи, отчего в глазах майора, тёмно-голубых с золотыми крапинками в глубине, затаился интерес и недоумение одновременно.

Майор Лазарев достаточно проработал в КГБ и уже давно научился ничему не удивляться, никак не реагировать на разного рода поручения, которые приходилось выполнять. Врожденный такт и прекрасное воспитание помогали сохранять хладнокровие в критических обстоятельствах, но ещё это было его отличительной чертой, можно сказать, жизненным принципом. Сейчас он поймал себя на том, что готов не поверить услышанному. Генерал Ершов вводил его в курс дела, обозначая основные моменты и задачи. Новое задание оказалось довольно необычным.

То, что и до, и после Октябрьской Революции, спецслужбы отслеживали жизнь и передвижения русской царской семьи, а также всех их близких родственников, удивления у Лазарева не вызвало. А вот наличие у императора Николая II и его жены Александры Фёдоровны, кроме общеизвестных детей Ольги (1895), Татьяны (1897), Марии (1899), Анастасии (1901) и Алексея (1904), ещё одной девочки, чьё рождение тщательно скрыли, вызвало некоторую волну недоверия и интереса.

Она родилась в 1907 году, уже после наследника Алексея. Император и его супруга очень надеялись на рождение ещё одного сына, но увы, императрица родила ещё одну дочь. Так как политическая обстановка в России в тот момент была предельно накалена, объявление о рождении пятой девочки стало бы для всех потрясением и могло обернуться серьёзными политическими последствиями.

Царственные супруги прекрасно понимали, что у цесаревича Алексея слабое здоровье, а немалое количество родственников мужского пола из ветвей дома Романовых готовы унаследовать царский трон и с большим удовольствием водрузиться на нём. Поэтому беременность и роды императрицы проходили в обстановке полной секретности. Сразу же после рождения очередной дочери, но не сына, было принято решение девочку отдать на воспитание в надёжную семью в Воронежскую губернию.

Естественно, Служба слежения взяла под опеку её жизнь в новой семье. Имя ей дали Софья. После революционных событий 1917 года и смены власти в стране всё изменилось. Некоторое время спустя новое правительство узнало о существовании прямой наследницы царских кровей в России. На самом высоком уровне приняли решение, что последующие дети будут рождаться по максимальной возможности от продолжателей знатных родов, а в архивах КГБ фиксироваться вся информация о настоящих биологических родителях и о приёмных семьях этих детей. Таким образом, царские крови будут поддерживаться в следующих поколе-

ниях так же, как это делалось веками до этого. И не важно, знают такие дети о своём знатном происхождении или нет.

Майор Лазарев слушал вступительную информацию очень внимательно, но в какой-то момент не удержался от вопроса:

– Не вполне понимаю, к чему всё это. Кому сейчас нужны царские потомки? К тому же, как известно, одной из основных задач ВЧК сразу после Революции было выявление и уничтожение как раз родственников царя. Как такое могло случиться, что у императорской четы была ещё одна дочь, которая осталась жива?

– Плох тот политик, который не имеет туза в рукаве. Времена меняются, меняются и политические задачи. Никто не знает, как дальше сложится ситуация, – генерал Ершов театрально развёл руками.

– Неужели допускаете мысль, что в нашей стране может быть возрождена монархия?

– Лазарев, мы здесь не для того, чтобы рассуждать, а чтобы выполнять приказы. Так вот. Со временем Софья выросла, вышла замуж, и у неё родилась дочь, а затем сын. Всё это время сотрудники НКВД не только отслеживали жизнь Софьи и её детей, но напрямую или косвенно принимали участие в их судьбе. Спецы были обязаны, никак себя не проявляя, всячески помогать Софье и её детям, а если понадобится, то и охранять их. Это в общих чертах прелюдия к твоему заданию, как тебе тема?

– Довольно необычная, но, как вы сказали: «Мы здесь для того, чтобы выполнять приказы», – кивнул майор Лазарев.

– Так вот, во всех последующих поколениях наследников нас интересует по большей части рождение мальчиков, так как, только представители мужского пола имеют право унаследовать трон. Как уже сказал, у Софьи, дочери императорской четы, в 1941 году родился сын Глеб, ему сейчас 22 года, и он собрался жениться. Вот его фото, – генерал протянул Анатолию большую фотографию.

– Это же Глеб Светлов, актёр, я видел фильм с его участием. Он потомок царского рода и внук Николая II? – Лазарев удивлённо взглянул на шефа.

– Выходит, что так, – прищурил глаз генерал. – Мы получили информацию, что он собрался жениться на одной из актрис. Но она ему по статусу не подходит, поэтому рождение детей в таком браке нежелательно. А кому-то на самом верху, – генерал Ершов многозначительно поднял вверх указательный палец, – пришлось в голову исправить ситуацию и получить «правильного ребёнка» от Глеба Светлова.

Лазарев рассматривал лежащее перед ним на столе фото.

– Этот высокий, симпатичный парень с ярко-синими глазами и обаятельной улыбкой – внук императора Николая II? – Анатолий поднял голову и, не скрывая изумления, уставился на начальника.

– Сейчас отправляйся в архив, нужные документы уже заказал, тебя там ждут. Если ещё что-то понадобится, то на сей момент имеешь допуск ко всем документам особой важности по заданной теме. Тебе выделили архивиста, который будет помогать разобраться с бумагами. Ты должен подобрать подходящую девушку для рождения ребёнка от Глеба Светлова. Как это важно, думаю, объяснять не нужно. Сам понимаешь, она должна быть знатного рода и иметь хорошее здоровье. Возраст девушки не так важен, важнее её биография и внешние данные. Ещё ты должен расстроить свадьбу Глеба с актрисой и сделать так, чтобы он вступил в связь с нашим кандидатом до подтверждённой беременности женщины. Женится Глеб на ней или нет – не важно. Главное, чтобы беременность прошла без проблем, и ребёнок родился здоровым, так как он будет царских кровей. Вопросы есть? – Генерал Ершов слегка хлопнул ладонью по массивному столу и посмотрел на Лазарева.

Анатолий молчал, в его голове начала складываться схема задач, поставленных шефом.

– Да, тема довольно необычная, поэтому меня вызвали из отпуска? – улыбнулся он.

– Не скрою, твою кандидатуру на выполнение этого задания одобрили на самом верху, – не без гордости ответил начальник. – Операцию назвали «Александрит». Времени ждать, когда отдохнёшь и вернёшься, не дали. К тому же полковник Поляков, рвётся выслужиться и занять моё место. Он засуетился, узнав об этом задании. Даже попытался влезть в тему. Но я решил, что не хочу доверить ему осуществить такую деликатную операцию.

– Полковник Поляков рвался сам выполнить задание? Зачем ему это? – Лазарев удивлённо глянул на шефа.

– Даже не хочу тратить время на догадки, – генерал театрально шевельнул бровями.

– Согласен, оно того не стоит, – усмехнулся Анатолий.

– Да. А ещё знаю твой нестандартный подход к решению задач, поэтому именно тебя и назначил. Чтобы помочь и ускорить дело, попросил в архиве подготовить материал на Татьяну Рошину – это актриса, на которой хочет жениться Глеб Светлов. А также подобрать досье девушек из знатных семей, которые более-менее подходят Светлову по возрасту. Ещё тебе подготовили досье всех из окружения Глеба, кто сотрудничает с нами. Можешь их использовать по своему усмотрению. Сам понимаешь, никакие лекарственные препараты применять при этой операции нельзя. Зачатие должно произойти естественным путем, а беременность пройти максимально спокойно. Ребёнок нужен здоровый. Подумай, что ещё может понадобиться, и сделай запрос. Времени нет совсем, отправляйся прямиком в архив. А если возникнут вопросы, то, поскольку действовать нужно предельно быстро, сразу же обращайся ко мне. – Генерал Ершов чуть склонил голову и стал похож на охотящегося хищника.

Анатолий Лазарев слегка кивнул.

«Да, не соскучишься», – подумал он. А ведь на самом деле ему уже хотелось как можно быстрее оказаться в архиве и в куче документов и досье начать искать решение такой необычной задачи.

2

Уже идя по коридору в направлении лестницы, Анатолий почему-то вспомнил, как в детстве няня Агата рассказывала сказки про волшебные замки, несметные сокровища, королей, злых троллей и прекрасных принцесс. Тогда он, затаив дыхание и укутавшись одеялом до самого носа, с восторгом слушал эти истории. Когда Агата выключала свет и выходила из комнаты, он, закрыв глаза, представлял себя скачущим на красивом белом коне по зелёной лужайке, тянущейся до входа в старинный замок, где должен встретить прекрасную принцессу и поцеловать. Потом они, держась за руки, будут гулять по парку, окружающему замок. А если тролль нападёт на принцессу, то, конечно, спасет её и сразится с гадким негодяем. Анатолий поймал себя на том, что улыбается во весь рот. А в здании на площади Дзержинского такая улыбка у сослуживцев могла вызвать по крайней мере недоумение. Заставил себя сосредоточиться на работе, а именно, на принцах и принцессах, как бы странно это ни звучало.

Размышляя таким образом, Анатолий добрался до архива. Предъявив на контроле удостоверение и допуск, стал ждать, когда придёт выделенный ему в помощь сотрудник. Ждать пришлось недолго: дверь открылась, и на пороге возникла женщина в хорошо подогнанном по фигуре кителе, довольно высокого роста, неопределённого возраста, с узким «крысиным» лицом, волосами, зализанными в пучок на затылке. Взгляд её глаз холодных и бесцветных, казалось, пронизывает насквозь. Прямая линия чётко очерченных губ ничуть не сглаживала первое впечатление. Но когда она заговорила, звук голоса оказался глубоким и приятным.

– Майор Лазарев, здравствуйте. Меня зовут Матильда Покровская. Можете называть меня товарищ Матильда или просто Матильда, – улыбнулась она и приглашающим жестом показала на открытую дверь, при этом её взгляд, казалось, сканировал лицо и фигуру симпатичного майора.

– Здравствуйте, товарищ Матильда, – Анатолий тут же вежливо склонил голову. – Можно буду вас называть просто Матильда, а вы можете называть меня Анатолий?

– О, и вы туда же. Тоже решили, что «товарищ Матильда» звучит как плохая шутка? – хихикнула.

И почему-то после этих слов Лазареву захотелось хлопнуть её по плечу и засмеяться во весь голос. И, правда, «товарищ Матильда» звучит несколько комично.

Он вошёл вслед за архивистом в небольшое помещение, где сотрудник охраны архива проверил удостоверение и допуск. На пути ещё дважды Лазареву пришлось показывать свои документы. Анатолию казалось, что они шли целую вечность по нескончаемым переходам и лестницам.

– Вот мы и пришли, – Матильда выжидательно остановилась.

Лазареву ещё раз пришлось показать документы, и охранник пропустил их в отсек хранилища, дверь которого очень походила на сейфовую из фильмов про гангстеров.

– Уже приготовила для вас документы. Здесь досье на граждан, сотрудничающих с Комитетом, – она указала на две большие стопки на стеллаже, – это досье на гражданку Рошину. Здесь досье на гражданина Светлова, его семью и родственников. А эти досье на девушек – потомков знатных родов. С чего хотели бы начать?

– Спасибо за подготовленный материал, – кивнул Лазарев. – Давайте, пожалуй, начнём с Глеба Светлова.

Матильда подвинула стул для Анатолия, а сама присела на соседний. Открыла одну из папок.

– Хотите, чтобы кратко изложила содержание досье или предпочитаете сами всё изучить?

– Да, пожалуйста, расскажите о наиболее важных фактах из биографии Глеба. Так сможем ускорить процесс, – Анатолий приготовился слушать.

Он продолжал задавать вопросы, а Матильда отвечала на них, перебирая одно досье за другим. Прошло довольно много времени, и Лазарев понял, что изрядно проголодался. План в его голове уже созрел.

– Давайте на этом закончим. Если ещё что-то понадобится, то сообщу. Подготовьте, пожалуйста, данные на этих людей. – Лазарев подал листок, на котором написал несколько фамилий. Он встал, дождался, когда Матильда закроет папки, сложит их на столе, и шагнул в сторону двери, через которую вошли.

– Хорошо, Анатолий, всё подготовлю, и примерно через час информация будет у вас на столе. Пойдёмте, провожу.

3

«Банг, банг, банг...» – разносился звук выстрелов по цокольному помещению, в котором располагался хорошо оборудованный ведомственный тир. На стенах и потолке – покрытие из специальных панелей, которые поглощают звук, а пол выстлан толстыми резиновыми листами. Осветительные лампы, установленные по всей длине потолка, навевали сравнение тира с туннелем. В самой дали виднелись отбойники, а перед ними приспособления для крепления мишеней. Здесь всегда пахло жжёным порохом, смазкой и резиной.

Лазарев стоял в отсеке для стрельбы из пистолета. Он выставил поворотные мишени на десять метров и стрелял по ним на скорость. Стрелять Анатолий любил с детства и достиг в этом больших успехов. Любимым его оружием был Walther PPK. Поэтому когда нужно было обдумать что-то важное или попадалось сложное задание, требующее от Лазарева всех его сил и знаний, он шёл в тир, там обдумывал и находил свои блестящие идеи и решения, а предпочтение отдавал именно этому оружию.

Стрельба заставляла сконцентрироваться и забыть про всё окружающее. Он переставал видеть и слышать. Мир вокруг сжимался и превращался в узкий конус, конец которого упирался в точку на мишени, а единственным звуком для него оставался звук ударов сердца. И когда голова освобождалась от всех посторонних раздражителей, вот тогда и загружал свою задачу. И мозг послушно начинал вызволять из глубин памяти подходящие для решения варианты, а затем, анализируя один за другим, оставлял в сознании наилучшие.

Лазарев перезарядил пистолет и встал наизготовку, увидел, как мишени начали поворачиваться, и нажал на спуск. «Банг, банг, банг»... – тут же раздался звук. Это была пятая серия выстрелов, и Лазарев, положив пистолет, стал осматривать мишени. Он остался доволен результатом и похвалил себя.

Ещё вчера он купался в море и загорал, лёжа на горячем песке. Отдых в ведомственной санатории среди пальм, цветов и стриженных газонов ему нравился, но безделье быстро начало надоедать. Поэтому, когда офицер связи нашёл его на пляже и передал приказ прервать отпуск и срочно вернуться в Москву, Анатолий даже обрадовался. Этот же офицер отвёз в аэропорт, и Лазарев вылетел в столицу первым же рейсом. А в московском аэропорту его уже ждала машина из Комитета...

Солнце освещало лишь крыши московских домов, но уже с западной стороны, погружая городские улицы в царство фиолетовых, красноватых и бронзовых оттенков с изумрудными тенями. День клонился к закату. Гомон птиц смолк, и они большими стаями усаживались на крышах и деревьях на ночлег. В привычно гудящем и бурлящем городе пахло пылью, жареными пирожками, опавшей листвой, и ко всему примешивался слабый запах выхлопных газов множества машин.

Майор Лазарев второй раз за день сидел перед начальником в просторном, но неудобном и пахнущем казёнщиной кабинете. Только теперь перед ним лежала папка с документами и набросками плана реализации нового задания. Анатолий излагал свою идею по зачатию наследного принца или принцессы, подкрепляя каждый этап аргументами и деталями. Обычно по лицу генерала невозможно было понять, что происходит у него в голове, но сейчас Лазарев видел лёгкую улыбку одобрения, даже не улыбку, а лишь намёк на улыбку. Поскольку, как считали подчинённые, их начальник улыбаться не умел. Лазарев это видел и был доволен произведённым эффектом. Генералу явно нравился план, и к тому же он выдал Анатолию карт-бланш, таким образом практически не ограничивая свободу действий.

– Лариса Панко высокого европейского сословия, обладает и внешностью, и хорошими манерами. Амбициозна, а по характеру довольно своенравна. Служит в том же театре «Молодость», что и Глеб, дружит с ним. Более того, как-то видели, что они целовались. Лариса – целеустремлённая, сотрудничает с нашей службой. Была использована для вербовки иностранного агента, которая прошла успешно, но женщина забеременела. Как только в Комитете узнали о её «интересном» положении, было решено в дальнейшем использовать факт рождения этого ребёнка как дополнительный элемент давления на завербованного агента. После этого Ларису к работе не привлекали. Но сейчас сделал на неё основную ставку, так как она имеет самое аристократическое происхождение. А для того, чтобы расстроить свадьбу Глеба с актрисой Рошиной, использую руководителя театра «Молодость» Михаила Фёдорова. Он активно сотрудничает с нами, и уверен, что проблем не будет. У меня всё. Разрешите быть свободным? – Лазарев взял со стола папку с документами и встал, ожидая ответа.

– Что ж, в целом план хороший. Детали доработаешь по ходу операции. Да, иди работай, – подытожил генерал Ершов.

4

СССР. Финский залив, город Кронштадт на острове Котлин.

Осеннее небо нависло над Кронштадтом. Низкие тёмно-серые облака давили тяжестью и дышали влагой. Крикливые чайки ловко лавировали в воздушных потоках на расправленных белых крыльях, создавая иллюзию сумбура и тревожности. Порывы ветра приносили брызги морской воды и запах солянки. Подводная лодка проекта 613 виднелась у длинного причала. В свете фонарей её мокрый корпус отливал серебром.

На пирсе, твёрдо оперев ноги в настил, стояла девушка – сотрудник службы радиосвязи. Она старалась ладонью прикрыть лицо от порывов пронизывающего ветра. Почти чёрного цвета глаза не отрываясь смотрели на субмарину. Наконец с подлодки начали спускаться люди.

Один из матросов, невысокий, худощавый, направился напрямик к девушке. Он на ходу застегивал бушлат и, подняв воротник, прикрылся от очередного порыва ветра. В глазах цвета моря в пасмурный день отразилось удивление и настороженность.

– Нелли, что ты здесь делаешь? Сказал же, как освобожусь, зайду к тебе, и мы куда-нибудь сходим, – почти прокричал мужчина, перекрывая шум ветра и моря. При этом его низкий лоб собрался морщинами.

– Виктор, мне очень нужно поговорить с тобой. Срочно!

Девушка нервно взяла молодого человека под локоть, и они быстро пошли в направлении скопления огней на берегу.

Звук шагов по настилу заглушали шум волн, налетающих на причал и превращающихся в сероватую пену. Крики чаек приносили свой вклад в привычную какофонию безостановочного движения солёной воды.

Несколько матросов, сошедших с подводной лодки, смотрели в сторону удаляющейся парочки, переговариваясь и посмеиваясь. Осенний морской ветер, пропитанный влагой, пробирался под одежду. Матросы поспешили на берег.

Мрачное, низкое небо быстро темнело, и тем ярче казались огни фонарей, освещающих дорогу вдоль красных казарменных строений Кронштадта. Виктор шёл, опустив голову, и всё большее выпячивая нижнюю губу, почти касаясь ею носа. Он всегда так делал, когда был чем-то недоволен. А теперь был недоволен, и ещё как. Вместо ужина и шахматной партии в клубе его ждёт какая-то очередная проблема подруги.

– Нелли, я очень устал, давай завтра увидимся и поговорим, – Виктор вяло закатил глаза, не надеясь на освобождение.

– Нет! Завтра может быть уже поздно, – тут же последовал напористый ответ.

Глаза девушки при этом сузились и превратились в чёрные мазки, а жёсткие тёмные волосы торчали во все стороны. Виктор перевёл взгляд на вздымающиеся с шумом волны.

– Мы должны пожениться. Срочно. Всё дело в той квартире на Невском проспекте. Давай сейчас пойдём к начальнику и напишем заявление, что мы хотим пожениться, – подруга приблизилась настолько, что буквально ткнулась носом в щеку моряка.

– Нелли, сказал же, мы поженимся. И это необязательно делать вот так, с бухты-барахты. Успокойся. Пойду отдохнуть, и ты отдохни, а завтра всё обсудим, – заискивающе промямлил Виктор, но шаг при этом ускорил.

– Ты не понимаешь, это наш шанс, – подруга впиалась взглядом в лицо жениха. – Я уже всё сделала сама, но, чтобы квартира досталась нам вся целиком, мы должны срочно пожениться, а ещё лучше, если я предоставлю справку о беременности.

Нелли перешла на рык, вцепилась в рукав бушлата и вприпрыжку двигалась рядом.

– Я написала донос на мою соседку по комнате, и теперь её выгонят с работы. Естественно, она потеряет право на жильё. А женщина из второй комнаты такая старая и боль-

ная, что долго не проживёт. А тебя ко мне можно прописать, только если женишься на мне, – девушка в отчаянии остановилась, сжала кулаки и топнула ногой.

– Ты уверена, что всё получится, и мы сможем остаться в той квартире одни? Твою соседку точно выселят? – Виктор тоже остановился. Его лицо приняло задумчивое выражение, а на пухлых губах возникло что-то похожее на улыбку.

– Конечно, получится, – тёмные глаза Нелли сверкнули злобой. – Я написала донос начальнику Части, что Светка – любовница его зама, и что застучала их в компрометирующей ситуации в нашей комнате. А ещё она несколько раз не приходила на работу, потому что я ей в еду добавляла лекарство, и Светка не могла утром встать. А это, сам понимаешь, убойная причина выгнать её с работы.

Виктор всмотрелся в злобно сверкающие глаза подруги. Он стоял некоторое время неподвижно, переведя взгляд на свет фонарей и хоровод разноцветных листьев на асфальте. Ветер становился всё сильнее и пробирался под куртку.

Нелли смотрела на жениха, сощуриив глаза и ожидая одобрения своей идеи. Ветер трепал волосы, но она этого не замечала. Девушка, не отрываясь, смотрела на Виктора и видела, что мыслительная деятельность её другу даётся с трудом. Одна эмоция сменяет другую, и всё это, как на экране, отражается на красивом лице. Наконец он перевёл взгляд на Нелли. Она победоносно вскинула голову. Победила! Теперь всё будет так, как задумала: они регистрируют брак, Виктор сможет сразу же прописаться к ней в комнату, а старушка долго не протянет, уж она об этом позаботится.

Нелли потеряла озябшие руки и с энтузиазмом потянула Виктора за собой.

– Идём быстрее к моему начальнику. Он нас ждёт.

Виктору ничего не оставалось, как последовать за подругой.

Полчаса спустя девушка с довольной ухмылкой выпорхнула из кабинета своего шефа и за руку с женихом спустилась на первый этаж. Нелли порывисто открыла дверь с табличкой «Тех. персонал» и втокнула туда Виктора. Быстро заблокировала ручку двери шваброй и начала стягивать с жениха штаны.

– Что ты делаешь? Ты хочешь здесь? – мужчина вяло взял её за запястье.

– Да хочу здесь и сейчас, столько этого ждала. Слушай, чем быстрее я забеременею, тем лучше. С ребёнком мы можем получить и квартиру побольше, и тебя могут повысить в звании, – с жаром зашептала Нелли.

Девушка расстегнула форменную юбку, и она упала к ногам, обнажив бледные ноги в дешёвых чулках с простыми подвязками. Виктор протянул руки и, обхватив Нелли за бедра, прижал к себе, почувствовал, как бешено колотится её сердце.

– Но здесь неудобно, здесь пыльно, давай в другой раз, – он чуть поморщился.

Нелли с недоумением уставилась на жениха.

– Ну давай, пожалуйста, ну сделай это сейчас. Для меня, – она нежно заглянула ему в глаза.

– Нет, не стоит, пойдём, – снова поморщился Виктор.

Нелли, не скрывая разочарования, надела юбку, убрала швабру с двери, прислушалась, выглянула в коридор и быстро нырнула в туалет.

Она плескала холодной водой в разгорячённое лицо, а слёзы струились по щекам.

«Он не любит меня, не любит, – крутилось в голове. – И пусть не любит. Всё будет так, как я хочу. Сейчас главное – побыстрее забеременеть, и неважно, от мужа или нет. Ребёнок придаст статус, а Виктор – почти законный муж», – девушка перестала всхлипывать, вытерла лицо, улыбнулась своему отражению и вышла в коридор к жениху.

«Может быть, всё и получится, – размышлял Виктор. – Если у меня будет прописка, то останусь служить в Ленинграде, а потом смогу перевезти сюда маму. Да и жениться на Нелли всё равно собирался».

5

Начальник воинской части адмирал Егоров сидел в своём кабинете за столом необъятных размеров. На волевом красивом лице отразились одновременно озабоченность и брезгливость, а карие глаза выдавали усталость. Егоров легонько постукивал пальцами по листку, лежащему перед ним на столе.

– Вот дерьмо, как же не доглядел-то, – произнёс он тихо и в который раз.

Егоров снова взял в руки листок и перечитал. Письмо было написано на его имя аккуратным женским почерком, внизу стояла дата и подпись. Наконец вздохнул, как перед прыжком в воду, и нажал кнопку вызова секретаря.

– Светлана, пригласите, пожалуйста, Морозова. Найдите его и попросите зайти ко мне. Он ещё раз брезгливо взглянул на листок.

В дверь легонько постучали.

– Войдите, – Егоров выпрямился на стуле, а лицо приняло серьёзное выражение.

В кабинет лёгкой походкой вошёл его заместитель Морозов, с которым их связывала многолетняя дружба. Морозов много занимался спортом и выглядел эдаким «эталонном советского офицера». Мундир на нём сидел как влитой.

– Проходи, Дмитрий Александрович, присаживайся, разговор у меня к тебе есть. Дам почитать один интересный документик. Внимательно почитай, а потом попробуешь объяснить хоть что-нибудь в этой жизни.

Адмирал Егоров протянул листок. Морозов внимательно посмотрел на шефа. Короткие волосы идеально причесаны, а в глазах только спокойствие и уверенность. Они дружили много лет, и он знал, если Егоров начинает разговаривать вот таким ровным, ничего не выражающим тоном, это далеко не к добру. Морозов перевёл взгляд на лист и начал читать. С первых же строк понял, что произошло, быстро подавил волну гнева. Дочитав до конца, положил листок на стол и поднял глаза на адмирала Егорова. Так они сидели некоторое время, глядя друг на друга и не произнося ни слова. Наконец Морозов молча встал и подошёл к окну.

Вид из окна шефа был превосходный – хоть картины пиши, и Морозов очень любил вот так стоять и любоваться пейзажем, но сейчас ему было не до природных красот. Он не знал, что сказать Егорову, как объяснить: всё, что изложено в письме, лишь искаженные факты. Морозов повернулся, ещё раз взглянул на листок, лежащий на столе, и из глубины души снова поднялась горячая волна гнева. Но гнев здесь не помощник, он это прекрасно понимал.

Заместитель снова сел за стол и, глядя на адмирала Егорова, наконец заговорил.

– Сергей Петрович, мы с тобой знакомы много лет, и ты меня хорошо знаешь. Знаешь, нашкодить там, где живу и работаю, не в моих правилах, а уж тем более с такой девушкой, как Светлана. Она у тебя работает уже пару лет, и все попытки ухаживания со стороны сотрудников пресекает на корню. Её не в чем упрекнуть. Она девушка очень красивая, но серьёзная и ответственная.

Выражение лица начальника никак не изменилось. Он пристально смотрел на своего друга, взял одну из папок и протянул.

– Посмотри, это досье на Нелли Белову. К нам она попала как невеста одного из матросов, Виктора Табунова. Они оба родом из города Иваново. Но к нам в Часть её бы всё равно не взяли, если бы не личная просьба из КГБ Ленинграда.

Морозов быстро просматривал страницы досье. Со стандартной фотографии на него смотрела далеко не красавица. Взгляд настороженный и обиженный на весь белый свет. Портрет дополняли две крупные родинки и мясистые уши. Нелли была из семьи раскулаченных купцов, окончила техникум в городе Иваново, ничем особым не выделялась. Никаких наре-

каний за время работы в их Части не получала. Исполнительна, расторопна, пунктуальна. Из мужчин тесно общается только со своим женихом – Виктором Табуновым.

А вот следующий лист заинтересовал Морозова гораздо больше. Там было указано, что Нелли Белова является близкой подругой Валентины Быковой, часто бывает у них в доме и даже некоторые праздники проводит в их семье. Но важно не это, а то, что отец Валентины Быковой – начальник отдела КГБ в Ленинграде. И это он прислал запрос на зачисление Нелли Беловой в их Часть.

– У девушки из глубинки такая подруга? Довольно странно. Как они смогли познакомиться, да ещё и подружиться: где Иваново и где Ленинград? – поднял голову Морозов.

– Возможно, познакомились, когда Нелли проходила стажировку в Ленинграде. Девушки работали вместе. Видимо, Нелли втёрлась в доверие к Быковой. Стала бывать у неё дома, – ответил адмирал.

– Но что это меняет?

– Читай, – ворчливо откликнулся Егоров.

Читая дальше, Морозов даже не сдержал эмоций.

– Получается, 15 сентября она написала вот этот донос, 16 сентября они с женихом подали прошение о регистрации брака, 17 сентября этот брак зарегистрировали и в этот же день написали заявление на прописку новоявленного мужа в комнату к Нелли на Невском проспекте в Ленинграде. Оперативненько, однако. Но что нам с этого? Доказать, что Нелли пыталась умышленно выжить Светлану, всё равно не сможем, – в голосе Морозова сквозило отвращение и возмущение.

– Дело даже не в этом. Мне сегодня утром звонил полковник Быков. Да, тот самый Быков, начальник отдела КГБ Ленинграда и отец близкой подруги Нелли – Валентины Быковой. Как понял, Нелли попросила подругу Валентину, а та в свою очередь попросила отца надавить на меня, чтобы обеспечил молодожёнов хорошим жильём. И могу сказать, если бы не этот донос, то нашёл бы им подходящую квартиру и без звонка Быкова. А теперь, сам понимаешь, должен что-то предпринять. Получается: или уволить Светлану, или вышвырнуть эту Нелли. Подозреваю, она испугалась и обратилась за помощью к отцу подруги не случайно, – в глазах Егорова сверкнули искры гнева.

В тишине кабинета стали слышны крики чаек за окном.

– Так понимаю, ты мне веришь? – почти шёпотом произнёс Морозов.

– В том и дело! Сколько лет мы с тобой проработали бок о бок. А Светлану знаю ещё с пелёнок. Что здесь скажешь? Всё и так ясно, – адмирал выразительно поджал губы.

Мужчины некоторое время молча смотрели друг на друга.

– Вот что решил, – адмирал Егоров взял ещё одну папку и открыл. – Это личное дело Виктора Табунова. Ничего особенного в нём не нашёл, но раз уж ситуация повернулась таким образом, то принял решение демобилизовать Табунова. Здесь есть рапорт доктора, что у Табунова несколько раз подскакивало давление. А служить на подводной лодке с повышенным давлением ну никак нельзя. А так как он только что женился, то жена поедет вместе с ним к месту прописки. А именно в город Иваново, – Егоров с ухмылкой посмотрел на собеседника. – Как тебе такой гамбит?

– Поэтому ты начальник, а я твой заместитель, – Морозов расплылся в довольной улыбке.

– Дмитрий, попроси, пожалуйста, Светлану подготовить все необходимые документы, и побыстрее. Ведь молодоженам нужен отпуск, чтобы провести медовый месяц, да и переезд в Иваново займёт время.

– Конечно, сейчас же этим займусь, – подскочил Морозов и козырнул.

6

СССР, Москва.

Майор Лазарев ещё раз перечитал досье на тех, с кем придётся иметь дело в последующие дни. Посмотрел расписание репетиций и спектаклей в театре-студии «Молодость», а также план здания и приложенный к нему лист с пояснениями Михаила Фёдорова.

– Ну что, девушки, станцуем? – произнёс негромко любимую шутку.

Эту фразу он взял из какого-то старого вестерна. Главный герой перед схваткой с толпой врагов, взяв два огромных револьвера, произносил бравурным тоном: «Ну что, девушки, станцуем?», затем высоко подпрыгивал, переворачивался в воздухе, уворачивался от пуль почти танцевальными движениями и при этом стрелял. Стрелял метко, в результате уложив всех недругов. И, конечно, на нём самом не было ни царапины.

Лазарев хмыкнул, убрал папку в сейф и вышел из кабинета.

Через боковую дверь Анатолий вошёл в здание театра-студии «Молодость». Пройдя холл, на стенах которого висели фотографии актеров, сцены из спектаклей и афиши, попал в зрительный зал. Там витал тот особый и, ни с чем не сравнимый, запах театра. Свет был только на сцене, где проходила репетиция спектакля. Анатолий осторожно, чтобы не шуметь, присел на одно из откидных кресел и стал наблюдать за происходящим. Он сразу узнал Михаила Фёдорова – актера необычайно обаятельного и талантливого, известного по многим ролям в кино, а теперь ещё и руководителя собственной театральной труппы. Женщины всех возрастов по нему сходили с ума. Михаил со стопкой листов в руке, легко передвигался по сцене, на ходу давая указания.

– Сергей, если говорю, что заиграла музыка, то музыка заиграла. Чем ты там занимаешься? Уснул, что ли? Маша, пожалуй, выходи на сцену не между этими деревьями, а вон оттуда, и сразу же начинай пританцовывать и двигаться вот сюда. – Фёдоров слегка топнул ногой в нужном месте. – Лариса, чудо моё, что на тебе надето? Ты хоть подол своих юбок подбери так, чтобы они не накрывали всё на столе, когда ты на него усаживаешься.

Лазарев всмотрелся в девушку, которую Фёдоров назвал Ларисой. На фото она показалась более миловидной, чем в жизни. Фигура шикарная, прекрасная осанка, и передвигается грациозно. А вот личико простовато, да и «утиный» носик явно портили общую картину. Но яркие, выразительные глаза притягивали и перекрывали все остальные недостатки внешности. Память услужливо выдала Анатолию слова из характеристики на Ларису Панко: «Высокая работоспособность, вынослива, талант к перевоплощению, любвеобильна».

«Привет, будущая мама наследного принца», – Лазарев всмотрелся в девушку, стараясь с ходу найти нужный подход. – А где тут у нас, собственно, сам «Принц»?

«Принцем» Анатолий прозвал Глеба Светлова, поскольку тот был внуком и наследником императора Николая II. Майор всмотрелся в актёров на сцене, но не нашёл среди них Глеба. А переведя взгляд в партер, сразу же увидел. Светлов сидел рядом с Рошиной.

«А вот и наши голубки», – удовлетворённо констатировал майор Лазарев.

Он слегка наклонился вперёд и стал рассматривать сидящих в зале актёров. В этот момент Фёдоров хлопнул в ладоши и зычным голосом начал отдавать команды.

– Всё, хватит прохлаждаться, поднимайтесь все на сцену, и пройдем весь эпизод. Сергей, не спи, пожалуйста, и следи за сюжетом, музыка должна плавно вливаться в происходящее действие. Игорь, нет, ты, пожалуй, оставайся и только отойди назад... да, так хорошо.

Фёдоров спустился в партер и остался стоять.

– Начали!

На сцене актёры проигрывали эпизод, а Лазарев следил за происходящим, сидя в затемнённой части зрительного зала. Сам спектакль его нисколько не интересовал, а вот работа актёров была очень даже интересна. В какой-то момент в игру вступил Светлов. Он произносил фразы из текста и при этом двигался в направлении Ларисы. Анатолий увидел, как глаза Панко загорелись.

«Или она гениальная актриса, что, впрочем, сказано в её досье, или имеет к Глебу и свой собственный интерес, и не только как к партнёру по сцене. А это уже очень хороший знак.»

В целом, даже если бы Анатолий и не прочитал досье, то всё равно сразу сказал бы: эта девушка произошла из породы явных аристократов. Панко излучала такую уверенность и гармоничность во всём, что не вызывало сомнений – эти качества выработались в её предках несколько поколений. Она напоминала грациозную пантеру, готовую к прыжку. Память опять услужливо нарисовала картинку из сказки его детства: скачущий на белом статном коне принц и прекрасная принцесса, ждущая в старинном родовом замке.

«Да уж, история... Ладно, справимся. И не такие задачи решали. Если этот наследник столь нужен высшему руководству, то его будущее явно будет хорошо обеспечено. Так что моя совесть перед ним или перед ней чиста.»

Тем временем актёры закончили разыгрывать эпизод, и Фёдоров, подведя итоги репетиции, отпустил всех отдыхать.

Анатолий встал с места и пружинящей походкой стал спускаться к сцене.

– Михаил Николаевич, пожалуйста, уделите мне несколько минут вашего времени, – Лазарев нацепил на лицо улыбку питона и двинулся к сцене.

Фёдоров слегка дернулся, как от удара в челюсть, но быстро взял себя в руки и, уже поворачиваясь к майору, успел «сделать лицо». Поэтому Анатолий лицезрел самую любезную и удивлённую улыбку.

– А вы, собственно, кто будете? – Фёдоров слегка откинул голову, и даже в глазах красивого стального цвета появились неподдельный интерес и удивление одновременно.

«Умён, талантлив настолько, что никогда не надо верить выражению его лица. Предан нашему делу до мозга костей», – сразу же вспомнил Лазарев информацию из досье на Михаила и продвинулся ещё на пару шагов в направлении цели.

Фёдоров с интересом рассматривал незнакомца, но опыт подсказывал, что сотрудник одной единственной службы может двигаться вот такой походкой породистого гепарда и говорить искренним тоном самаритянина.

– Здравствуйте, Михаил Николаевич, меня зовут Анатолий Лазарев, – он привычным жестом показал удостоверение майора КГБ.

– О, вы из КГБ, здравствуйте, – кивнул Фёдоров. – Чем обязан вашему визиту? Пойдёмте ко мне в кабинет.

Фёдоров протянул руку для приветствия, и в глазах появился лёгкий оттенок грусти. Естественно, Лазарев всё это заметил, но не понял подоплёку и решил, что Михаил устал и хочет побыстрее от него избавиться, ведь вечером – спектакль.

– Да, есть к вам небольшая просьба, – Анатолий пожал протянутую ладонь.

Мужчины вышли из зрительного зала и, пройдя маленький коридор, вошли в кабинет директора театр-студии. Фёдоров плотно закрыл дверь, придвинул гостью стул и сам сел по другую сторону стола.

– Слушаю вас внимательно, – произнёс, усаживаясь поудобнее.

– У вас в театре служат Татьяна Рошина и Глеб Светлов, – медленно начал Лазарев. – Нам стало известно, что актёры в скором времени собрались пожениться. Так вот, этот брак крайне нежелателен. Прошу вас помочь его расстроить.

Михаил продолжал смотреть на майора. На его лице не отразилось ровным счётом ничего, но в голове произошло не просто зашкаливание эмоций, а целый табун мыслей одновременно пронёсся ураганом.

«Вот так да! То есть эта свадьба не устраивает КГБ, ничего себе расклад. Что ж такого особенного в этом Глебе?»

То, что это не связано с Рошиной, Фёдоров был уверен. Он давно знал Татьяну, и никакие её проделки никогда не вызывали интерес у спецов. А вот то, что КГБ до такой степени опекает Светлова, это и удивило, и насторожило одновременно.

«Глеб талантлив, спору нет, но здесь кроется что-то совсем другое. Что ж, расстроить эту свадьбу всё равно придется, если такой человек, как майор КГБ, лично об этом попросил, то выбора всяко нет никакого. Да и ему самому этот фарс со свадьбой не очень-то нравился», – бешеный поток эмоций затих.

– Понятно, как много у меня на это есть времени?

– Чем быстрее, тем лучше. Но понимаете, следует не просто расстроить брак этой пары, нужно, чтобы они прекратили близкие отношения, так как беременность Рошиной от Светлова крайне нежелательна. С нашей стороны будут также приняты некоторые меры, но, думаю, и ваша помощь пригодится, – взгляд синих глаз Лазарева был спокоен.

– Да, всё понял. Нужно будет связаться с вами по окончании этой миссии? – Фёдоров изобразил полное участие.

– Нет, не стоит, за вами будут присматривать, но если понадобится помощь, то можете обратиться лично ко мне, – Лазарев протянул Михаилу листок бумаги с номером телефона.

– Понятно. Что-то ещё? – глаза Фёдорова выражали только вопрос и ничего больше: ни досады, ни недовольства, ничего.

«Он явно сможет без репетиций сыграть всё: от лешего на болоте до византийского императора. – Невероятный талант, да и манера двигаться, говорить сразу же очаровали Фёдорова в собеседнике. – Необычайный дар у этого парня. А глаза-хамелеоны с переливом от голубого до зелёного – большая редкость. Какой редкостный талант пропадает, – мелькнула мысль, но сразу же на смену ей пришла другая. – А почему пропадает? Именно настолько талантливые и сильные люди должны выполнять сложную работу, на которую нормальный человек не способен».

– Нет, это всё, до свидания, – Лазарев встал и протянул руку для прощания.

– Хорошо, всё сделаю, как вы просили. До свидания.

Когда дверь за визитёром закрылась, Фёдоров подошёл к небольшому зеркалу, висящему в кабинете. Увидел симпатичного мужчину, в глазах которого отразилась усталость и лёгкая печаль от того, что в расплату за занятие любимым делом частенько приходилось выполнять задания сотрудников КГБ.

«Что ж, на этот раз не самое худшее предложение, прорвёмся», – он подмигнул своему отражению и выглянул из кабинета.

В коридоре несколько актёров что-то обсуждали.

– Татьяна уже ушла? Не знаете, где она сейчас? – спросил Фёдоров.

– Она там, в холле, её позвать?

– Да, позови, пожалуйста, пусть зайдёт ко мне, – чуть улыбнулся Фёдоров.

Через пару минут Татьяна легонько стукнула в дверь и вошла к своему шефу. Вырез бордового сатинового платья открывал мягкие, округлые плечи и выгодно подчеркивал шикарную грудь – предмет восхищения мужчин и зависти у женщин. На круглом лице, обрамлённом локонами кудрявых волос, сияли большие серые глаза, в глубине которых плескалась тревога. Пухлые недовольно поджатые губы выражали протест и обиду.

– Закрой, пожалуйста, дверь, и хватит разыгрывать из себя вселенскую печаль. Знаю, ты талантливая актриса, – улыбнулся доброжелательно Фёдоров. – Присядь, у меня есть серьёзный разговор, – приглашающим жестом указал девушке на стул.

Рошина дёрнула плечом, задрала курносый нос повыше и присела на предложенное место. Упорно смотрела в окно и не желала повернуть голову в сторону Михаила.

– Знаю, ты на меня в обиде. Но говорил уже много раз, что не могу развестись с женой и жениться на тебе. Это сильно повредит моей карьере. Это не эгоизм, а неизбежная реальность. Знаю, ты недовольна, но пойми, пожалуйста: ничего не могу изменить. Мы можем с тобой видиться, как и раньше. Конечно, если ты этого хочешь. Поэтому, очень прошу не делать то, что собралась устроить. Ты не любишь Глеба, и он не любит тебя. Уж я-то в этом разбираюсь. Не знаю подлинные мотивы самого Светлова, но подоплёка твоих действий хорошо известна. И поверь, не желаю тебе зла, а поэтому прошу, аннулируй грядущую свадьбу. Это принесёт вам обоим только неприятности. Если согласна, то сам могу поговорить с твоим женихом, – Фёдоров вещал спокойным, проникновенным голосом и внимательно смотрел на Рошину.

Но лицо профессиональной актрисы никак не проявило истинных эмоций. Она по-прежнему сидела, вскинув голову и, не шевелясь, смотрела в окно, а модный кулон из прозрачного пластика в виде сердечка запал между округлостей груди, вздымающейся при дыхании.

– Всё, хватит, паузу ты уже выдержала достаточно, дальше идёт перебор, – ещё раз улыбнулся Фёдоров. Одной рукой взял её ладонь и поцеловал, а другой нежно провёл по плечу, по последней моде кокетливо выставленному на показ.

Татьяна повернула голову и, глядя в глаза Михаила, спросила самым холодным тоном, на который была способна:

– Всё? Могу идти?

– Хочешь уйти? Так просто встать и уйти? – Фёдоров легонько приподнял девушку.

Татьяна резко вывернулась. Её глаза, обрамленные пушистыми ресницами, пылали страстью и гневом. Из серых они превратились в бархатно-чёрные. Михаил притянул её к себе, но она упёрла маленькие кулачки ему в грудь.

– Нет, постой, я уже не та что прежде, больше не хочу быть твоей любовницей. Понятно? Могу идти? – девушка возбуждённо дышала.

– Конечно, иди, но, пожалуйста, подумай о том, что сказал. Поверь, это очень важно и для тебя, и для Глеба.

– А то что? Ты нас уволишь? – актриса надменно взглянула на Михаила и подошла к двери.

– Татьяна, прошу, успокойся и посмотри со стороны на весь этот цирк. Ты значительно старше, он совсем ещё юный. Это тоже существенные доводы не в пользу вашего брака.

– О! Ты ещё и про мой возраст вспомнил. А то, что потратила на тебя несколько лет жизни, и у меня в результате нет ничего, ни дома, ни семьи. Не хочешь об этом рассказать? – девушка перешла на визгливый тон. – Не изменю своё решение и выйду замуж за Глеба.

Татьяна демонстративно хлопнула дверью, и стук её каблуков затих в отдалении.

– Да куда ты не выйдешь, – со вздохом произнёс Фёдоров и посмотрел в окно.

Там была осень, московская осень, пора волшебных изменений и перерождения от тёплого, ласкового, сладкого лета к ледящему зимнему холоду и пушистому белому снегу.

7

Майор Лазарев сидел в уютном кафе за маленьким столиком. Он был уверен – беседа в непринужденной, привычной обстановке воспринимается оппонентом спокойнее, и такое общение несёт более продуктивный характер, чем вызов в казённый кабинет на площади Дзержинского. Рядом с Анатолием с царственной осанкой, красиво закинув ногу на ногу, сидела Лариса Панко. Капроновые чулки подчеркивали изящество идеальных ног. Одетая девушка была по последней моде, волосы аккуратно и изысканно уложены. Лариса красиво пила кофе из крохотной чашки и благосклонно принимала восторженные мужские взгляды.

– Итак, в обмен на главные роли в фильмах, а при успешном результате моей работы, и звание «заслуженной артистки», предлагаете родить от Светлова ребёнка? Но позвольте спросить, как я буду жить эти несколько месяцев беременности? И ещё, ребёнка у меня заберут, а что потом скажу родственникам, куда он делся?

Лариса томно поглядывала на Лазарева из-под накладных ресниц. Модная туфелька слетела с пятки и изящно балансировала на пальчиках.

«Интересно получается, её волнует всё, кроме самого главного: она ещё должна забеременеть от Глеба. Так он, ко всему прочему, собрался в скором времени жениться на другой девушке. Она что, настолько уверена в своей женской привлекательности и не считает это проблемой? Я так ни за какие коврижки не прыгнул бы к ней в постель. Уж слишком правильно она себя предлагает», – размышлял Лазарев, наблюдая за собеседницей.

Хотя сознался самому себе, в девушке было нечто такое, что одновременно и завораживало, и притягивало. Отчего хотелось протянуть руку и прикоснуться к её нежной коже, а звук голоса вызывал приятный резонанс в душе.

Лариса задумчиво разглядывала майора.

«Хм, родить ребёнка от Глеба, вот лучше бы от тебя родить. Хоть сейчас улеглась бы в постель. Так тебя даже соблазнить нельзя, ты ведь у нас майор КГБ.»

Лариса Панко обладала мечтательным, романтично-фантазийным умом, но при этом имела незаурядный, сильный характер, а её силе духа и упорству можно было только позавидовать. Она явно любила мужчин, но при этом старалась не заводить с ними отношений, связывающих её свободу, отягчающих стремление наверх, к славе, к совершенству.

Лариса сразу же обратила внимание на «породистого самца», как назвала его про себя, ещё даже не подозревая, кто он и зачем пришёл в их театр. Лазарев ей понравился сразу, как только увидела его во время репетиции. Поэтому, когда он подошёл на выходе из театра и предложил пойти в ближайшее кафе для обсуждения её будущей карьеры, сразу же решила соблазнить его и начала мило улыбаться.

Но как только они с Анатолием уселись за столик, заказали кофе и пирожные, майор показал своё удостоверение, то весь аппетит у Ларисы сразу пропал. И к пирожным в том числе.

«Так тебе ещё и не откажешь. Представляю, куда покатится моя карьера актрисы», – с некоторым раздражением, но при этом продолжая мило улыбаться, раздумывала девушка.

Молодая актриса давно поняла: в этом мире можно рассчитывать только на себя. Мужчин же следует не любить, а использовать. Она хорошо помнила прошлую просьбу другого сотрудника КГБ, и что из этого получилось. Всё обошлось совсем не так, как рассчитывали. У неё в результате родилась дочь, которая практически живёт у родителей Ларисы, а с мужем пришлось срочно развестись. Несмотря на то, что задание было успешно выполнено, её не спешили отблагодарить. В результате она два года почти не снималась в кино. Правда, потом о ней всё-таки вспомнили и дали главные роли в нескольких фильмах подряд. А теперь на полном серьёзе предлагают из-за беременности исчезнуть на несколько месяцев со сцены, и не сниматься в фильмах. С другой стороны, выбора всё равно нет.

– Как поняла, выбора мне не оставили? – Лариса продемонстрировала свою самую шикарную улыбку. – Но позвольте спросить, а что будет с моим ребёнком потом, когда от него откажусь? Должна с ним видеться? Вы сможете держать меня в курсе его жизни? – девушка отклонилась на спинку стула и в упор смотрела на майора.

Её довольно светлые, золотистого цвета глаза при этом излучали тепло и уверенность, а ресницы призывно подрагивали.

– О судьбе ребёнка не придется волноваться, как, впрочем, и заботиться о нём. Он будет хорошо обеспечен всем необходимым, находиться под нашим наблюдением и защитой, – уверенным и не терпящим возражений тоном произнёс Лазарев.

Он, слегка наклонившись вперед, накрыл своей ладонью пальцы собеседницы, но смотрел на неё спокойно. Ясные синие глаза отразили всю силу слов и полную уверенность в сказанном. Лариса руку со стола не убрала, а её глаза на доли секунды вспыхнули золотыми искорками, отразив некоторое удивление.

«Интересное кино получается, – раздумывала она, – то есть КГБ нужен не просто ребёнок, а ребёнок, чьи биологические родители именно я и Глеб Светлов. Или отцом должен быть Глеб, а кто будет мама не так важно. Что ж такого есть в этом юноше примечательного, если кгбэшники так заинтересовались им, а вернее, его потомством? Во всяком случае могу только согласиться или послать всех подальше и отказаться играть в эту игру. Тогда майор явно подберёт другую девушку на роль мамы этого малыша, а моя карьера будет уничтожена. Да уж, выбор невелик: помочь кгбэшникам в какой-то тёмной игре или самой потерять всё, отказавшись от сотрудничества».

– Хорошо, что должна делать? – довольно тихо произнесла Лариса, прикрыла глаза и выпрямилась на стуле.

– Вот и славно, что договорились. Надеюсь, понимаете – всё сказанное, а также и всё, что будет происходить дальше, должны держать в строгой тайне. Вам нужно будет жить как раньше, с той лишь разницей, что поселитесь в квартиру к Бурдиным, у которых сейчас живёт Глеб. В этом помогу, и всем необходимым тоже снабдят. А дальше дело за вами. Как только забеременеете, можете прекратить интимные отношения с Глебом. Потом поможем выносить ребёнка и родить. Когда беременность станет заметной, вы исчезните из города. Официально будет объявлено, что убыли на съёмки нового фильма, а на самом деле до родов станете жить в одном из наших санаториев. Таков план в общих чертах. Сейчас предлагаю поехать в Комитет, вас туда отвезут. К началу спектакля успеете вернуться.

В ответ – взмах ресниц. Лазарев чуть ли не физически почувствовал, как этим взмахом его унесло куда-то далеко. Он улыбнулся: «Да, она гениальная актриса».

Для экономии времени Анатолий перепоручил Ларису Панко сотруднику из его группы, а сам занялся подготовкой квартиры.

«Потихоньку дела идут», – думал, пока ехал по направлению к центру Москвы на Тверскую улицу в квартиру Бурдиных. Там планировал обновить установленную ранее прослушивающую аппаратуру, так как вечером собирался направиться туда Ларису.

Лазарев с двумя офицерами из службы слежения поднялись на третий этаж и остановились перед массивной деревянной дверью. Один из сотрудников достал дубликаты ключей и открыл замки. Мужчины тихо вошли в квартиру и аккуратно, без звука, закрыли за собой дверь.

– Приступайте к работе, а я пока всё проверю, – скомандовал Анатолий и отправился осматривать помещения.

Прошло около часа. Прослушивающие устройства были установлены и проверены. Мужчины так же тихо вышли, заперли дверь и спустились к машине. Лазарев дал «отбой» агентам, которые страховали на случай, если Глеб или Бурдины решат пойти домой. В их задачу вхо-

дило аккуратно и ненавязчиво задержать молодых людей до того момента, пока Анатолий со своими подручными не выйдет из квартиры.

8

Вечер неспешно захватывал город, заполнял улицы и проспекты, зажигал огни и витрины. Спешащие после работы люди давно добрались до своих домов. Несколько сотрудников, одетых в штатское и в форму патрульных милиционеров, специально отобранных Лазаревым для сегодняшней операции, сидели в машине и ждали, когда актёры начнут выходить из театра после спектакля. Они вяло переговаривались и шутили.

Спектакль закончился, публика расходилась по домам. Наконец настала очередь и актёров. Глеб Светлов с Татьяной Рошиной, ещё несколько девушек пошли к остановке автобуса, но к ним подошла группа благодарных зрителей и попросили автографы.

В этот момент крупный хорошо одетый мужчина подскочил к Рошиной, упал на колени перед ней и, обняв её ноги, начал их целовать. Стал нараспев причитать, что жить без неё не может и должен вернуть любимую, потому что их дочь очень скучает по мамочке. Все замерли, а Татьяна от неожиданности чуть не упала, но мужчина ловко подхватил её и, преданно заглядывая в глаза, повторял, что любит и просит вернуться.

– Георгий, что ты здесь делаешь? – почти задыхаясь от шока, выдавила Татьяна Рошина.

Естественно, свидетели этой сцены образовали полукруг и, затаив дыхание, ждали развязки.

– Гражданин, вы кто? Что вам нужно? Что здесь происходит? – наконец прозвенел голос Глеба Светлова, пришедшего в себя после первого шока. – Да, прошу объяснить, что здесь происходит?

– Что здесь происходит? А ничего особенного. Эта гражданочка бросила меня и свою маленькую дочку-ангелочка и не хочет возвращаться домой, отказывается воспитывать свою малютку, – всхлипнул мужчина и смачно поцеловал Рошину в губы.

Та от неожиданности осела в его объятьях и обняла за шею, чтобы не упасть окончательно. Со стороны они выглядели, как влюблённые голубки. Все притихли, а Татьяна Рошина второй рукой обняла мужчину за талию и пыталась встать на ноги. Но только она находила опору, как Георгий её слегка подталкивал и тут же нежно подхватывал. Все остолбенели.

– Граждане, расступитесь! Что здесь происходит? – прозвучал командный голос, и на сцену событий выступили два дюжих милиционера.

В этот момент остатки рассудка потеряли даже те, кто ещё держался «на плаву».

– Граждане, свидетелей происшествия прошу остаться, а всех остальных немедленно разойтись! – скомандовал один из милиционеров.

Публику как водой смыло. Все тут же заспешили по своим делам. На месте остались только Татьяна Рошина, обнявший её мужчина, Лариса Панко, Глеб Светлов и два патрульных милиционера.

– Так, что здесь происходит? – задал вопрос один из хранителей порядка.

Мужчина, обнимающий Татьяну Рошину, ещё раз поцеловал её в губы, закатил глаза и произнёс страдальческим голосом:

– Танечка, это – моя любовь и мама нашей чудной малышки. Товарищи милиционеры, пожалуйста, образумьте её и верните ребёнку мать!

– Гражданочка, вы знаете этого мужчину? – милиционер строго воззрился на Рошину, которая продолжала висеть на шее у обнимающего её кавалера.

– Да, знаю, это Георгий, но...

– Прекрасно! Вы подтверждаете, что знакомы. Согласны пойти с ним и заняться вашим ребёнком? – напирал милиционер.

– Но я не мать его ребёнка, мы просто знакомы. У него и детей-то нет, – задыхаясь от возмущения выдала Татьяна.

– Танечка, любовь моя, пойдём домой. Там тебе станет лучше, всё вспомнишь и станешь, как прежде, заботиться о нашей славной малышке и твоём любимом бегемотике, – с чувством произнёс Георгий, хлопнул себя по животу и ещё раз поцеловал Рошину.

– Да отстань ты от меня! – Татьяна наконец обрела равновесие, но Георгий продолжил ласково держать её ладонь в своей.

– Гражданочка, вынужден вас задержать до выяснения обстоятельств. Впрочем, как и вас, гражданин Георгий. Пройдёмте со мной, – безликим тоном произнёс патрульный и указал на припаркованную рядом милицейскую машину.

– Но, позвольте, куда вы их уводите? Это моя невеста, – проблеял Глеб.

– Молодой человек, вы свидетель происшествия? – милиционер уткнул свой огромный палец в грудь Глеба так, что тот даже попятился.

– Нет, не свидетель, я жених. И никакого происшествия не было, – голос Глеба предательски дрогнул.

– Вот и прекрасно, если вы не свидетель, тогда идите своей дорогой, – вполне мирно ответил полицейский.

– С удовольствием пойду с вами, – воскликнул Георгий, обхватил за талию Татьяну Рошину и уверенно направился в сторону милицейской машины. – Верю, вы спасёте нашу семью!

Он открыл дверь, помог Татьяне сесть на заднее сиденье автомобиля, а потом и сам туда забрался.

– Можем ехать! – крикнул он. – Правда восторжествует!

Милиционеры тоже погрузились в машину и уехали.

– Но как же так? – только и смог произнести Глеб, недоуменно хлопая глазами и вороша волосы. – Ничего не понимаю.

– А что здесь понимать, – вступила в игру Лариса Панко, которая всё это время поддерживала Глеба за локоток и нежно поглаживала по кисти руки. – И так всё понятно. Танечка, думается мне, имеет ребёночка от этого мужчины, а нам ничего не рассказала. Пойдём, тебе надо отдохнуть от такого стресса. Поймаю такси.

Один из сотрудников Лазарева под видом таксиста вывернул из-за угла, а Лариса в этот момент призывно замахала рукой. Водитель ловко подрулил к обочине и остановился, поравнявшись с молодыми людьми. Девушка потянула Глеба за руку, и он безропотно сел в машину.

Когда такси уехало, от стены здания отделилась одинокая фигура. Мужчина медленно шёл к своей машине и слегка покачивал головой.

«Вот это спектакль. Вот это экспромт. Какие таланты», – размышлял Фёдоров с довольной улыбкой.

Он как раз вышел из театра, когда молодой человек, назвавшийся Георгием, подлетел к Татьяне Рошиной. А дальше Михаил замер и с восторгом смотрел на развернувшееся представление. И надо сказать, если бы его сегодня не предупредил майор КГБ Лазарев, то был готов поверить, что действительно у Татьяны Рошиной и Георгия есть дочь, которую она бросила.

9

Было уже за полночь, московские улицы опустели, и только редкие машины проезжали мимо припаркованного у обочины на улице Тверской ничем не приметного фургончика. Двое мужчин сидели внутри и следили за аппаратурой, которой был напичкан кузов.

– Как дела, как там наши голубки, воркуют? – Лазарев вошёл в кузов фургончика и без шума закрыл дверь.

Один из сотрудников снял наушники и с довольным видом подмигнул Анатолию:

– У них там полный порядок. Во даёт эта Лариса! Вот это женщина! Она Светлова уже два раза успела выпотрошить, – мужчина сделал неприличный жест и засмеялся.

– Запись идёт с того момента, как они вошли в квартиру, так что всё зафиксировано. Сейчас уснули, там всё тихо, – добавил второй сотрудник.

– Ну и хорошо, продолжайте наблюдать. Пойду дам команду отпустить Рошину из отделения милиции. Если вдруг она здесь появится, то её ни в коем случае в квартиру пускать нельзя.

Лазарев вышел из фургончика и по телефону-автомату связался с сотрудником, отвечающим за Рошину.

– Всё, можете её отпустить.

– Хорошо, отпускаем. Тут только Георгий спрашивает: может ли он ещё поизображать сожителя Татьяны и переспать с ней, – донесся из трубки довольный смешок.

– Георгий хорошо поработал сегодня. Он что, не устал? А Рошина что? – усмехнулся Анатолий.

– О, у них тут всё нормалёк, она уже сама его целует и обнимает.

– Пусть делают что хотят. Георгию от меня спасибо. – Лазарев повесил трубку и направился к своей машине.

Анатолий вёл машину по ночной Москве. Этот город никогда не спит, движется, сверкает огнями, гудит поливальными машинами, но никогда не спит. Мотор служебной «Волги» тихонько урчал. Опавшие листья вылетали из-под колес автомобиля и, кружась, плавно опускались на землю. Пахло осенью и хотелось скорее в тепло. По ночам уже морозило, и пожухлая, а местами всё ещё зелёная трава к утру покрывалась замысловатыми рисунками инея, но днём светило довольно тёплое солнце.

Анатолий любил каждое время года по-своему, но только ранней осенью на него время от времени нападала лёгкая хандра, когда солнце на закате покрывало багряными оттенками всё вокруг и сизые тени обволакивали щемящей грустью город. Тогда величавая красота танца ярко-разноцветных опадающих листьев, улетающие стаи птиц, как будто бегущих от неизбежности, навевали глубоко в душе запрятанные воспоминания, эмоции и желание убежать от себя и от захлёстывающего, всепоглощающего чувства одиночества.

Он был одинок, пронзительно одинок. Всё свободное время посвящал или работе, или тренировкам. Иногда майор уговаривал себя, что не одинок, а лишь свободен. Свободен от необходимости заводить романы, и уж тем более у него нет времени заводить семью. Но иногда сознавался себе, что это далеко не так. Вот и теперь подъехал к дому, припарковал машину, поднялся на свой этаж, отпер дверь и вошёл в прихожую, гулко отразившую шаги.

Майор Лазарев подошёл к холодильнику.

– Ой, совсем забыл купить продукты, – непроизвольно воскликнул вслух.

Открыл буфет.

– Так, что у нас имеется, – критически оглядев содержимое, достал большой пакет макарон и банку мясных консервов.

Ещё хорошо, что время от времени умудрялся затариться достаточным количеством тушёнки, вот она то его частенько и выручала. Привычным движением налил воду в кастрюлю и поставил на плиту. Пока варились макароны, Анатолий открыл банку с мясом и вытряхнул на сковородку.

– Что ж, макароны с тушёнкой – совсем не так уж и плохо, – проговорил вслух. – А завтра обещаю купить еду.

Майор Лазарев засмеялся:

– Ну вот, майор, ты уже дошёл до того, что от одиночества сам с собой разговаривать начал, поздравляю!

10

Глеб открыл глаза и сладко потянулся на широкой и удобной кровати, покрытой шелковистыми простынями из плотного хлопка. Комната была залита светом, и солнечные зайчики играли на потолке, отражаясь от граней красивой хрустальной вазы, стоявшей на подоконнике. В воздухе витал аромат свежесваренного кофе, поджаренного хлеба и ещё чего-то неуловимо восхитительного.

Глеб Светлов откровенно наслаждался приятным моментом пробуждения и снова закрыл глаза. Услышал тихие шаги, лёгкий шорох, и тут же тёплая ладонь коснулась его руки, а на губах почувствовал поцелуй. Юноша приоткрыл один глаз и уставился на девушку перед собой. Постепенно до него начало доходить всё, что произошло вчера вечером, а потом ночью и даже этим утром. Слегка застонал и присел в кровати.

– Ёлки-палки! Что ж я наделал!

– А что, собственно говоря, ты наделал? – услышал ответ и вопрос одновременно.

Глеб окончательно проснулся и увидел перед собой Ларису Панко в немислимом кружевном полупрозрачном пеньюаре, который очень выгодно подчеркивал все достоинства её фигуры. Светлые шелковистые волосы рассыпались волнами по точёным плечам.

– Приятно провел время и снял стресс традиционным и довольно древним способом, – с лёгкой манящей улыбкой проворковала Лариса.

Её золотистого цвета глаза призывно заблестели. Глеб в упор всмотрелся в них, но увидел лишь желание и негу.

– Провела восхитительную ночь. Надеюсь, и тебе понравилось забавляться со мной, – её рука скользнула под одеяло и нацелилась на дальнейшие последствия довольно предсказуемой развязки. – Никогда не жалею о том, что уже сделано, если в этот момент был счастлив, так ведь? – Лариса приблизилась к лицу Глеба, и он перестал различать что-либо. Волна желания захлестнула и утянула в омут удовольствия.

Позднее, когда они сидели на кухне и поглощали завтрак, так предусмотрительно приготовленный Ларой, Глеб поймал себя на том, что улыбается и не может остановиться. Было легко и свободно, ничего не хотелось знать ни о прошлом, ни о будущем и никуда не хотелось уходить.

– Глебушка, давай заканчивать, нам пора идти, – шёпотом произнесла Лариса.

Она слегка склонила голову, и прядь светлых волос опустилась на лицо. Глеб откусил большой кусок поджаренного хлеба с мармеладом и с восторгом демонстративно начал жевать.

– Смотри, тороплюсь, жую, быстро жую, – он засмеялся и отпил глоток кофе.

Через полчаса они спустились по лестнице, вышли на улицу и направились в театр.

– Лара, прости, если что не так было сегодня ночью. – Глеб остановил девушку за руку. Смотрел серьёзно и вопросительно. – Никогда не прощу себе, если с тобой случится непредвиденное и ты забеременеешь.

– Глеб, поверь, это абсолютно не твои проблемы, мне было хорошо с тобой. И, более того, хотела бы ещё раз вот так провести время, – Лариса быстро поцеловала и отступила на шаг.

Теперь он мог видеть её глаза. На миг в них мелькнул не просто испуг, а крик о помощи, но всё быстро исчезло. И вот на него уже смотрели красивые глаза, наполненные нежностью.

– Идём, нам пора, – девушка потянула за собой, и они двинулись дальше по тротуару к остановке автобуса.

Перед тем как войти в театр, Глеб пропустил Ларису на несколько шагов вперёд, чтобы никто не подумал, что они вместе приехали на репетицию. Войдя в фойе, первым, кого увидел, была Татьяна Рошина. Она стояла около гримёрной и явно его ждала.

– Глебушка, милый, нам надо, очень надо кое-что обсудить, – начала говорить Татьяна, но так и не закончила, увидев довольную физиономию Светлова.

– Да, конечно, – ответил с лёгкой улыбкой Глеб и жестом пригласил девушку пройти в открытую дверь гримёрной.

Молодые люди вошли внутрь маленького помещения. Татьяна сразу же обняла Глеба и приникла к нему.

– Пожалуйста, не обижайся, я не виновата в том, что вчера произошло. Георгий друг детства, мы выросли на одной улице, но не виделись, наверное, лет сто. И уж никак не ожидала, что он вот так может разыграть. Это всё неправда. Мы с ним лишь друзья, и у нас нет никакого ребёнка. Ты мне веришь? – девушка заискивающе заглядывала в глаза Глеба снизу вверх.

– Танечка, это не важно. Важно лишь то, что через несколько дней мы поженимся, – Светлов наклонился и чмокнул Рошину в губы.

Но всё было не так просто, как хотел показать. Сегодня утром вдруг понял: в этом мире есть вещи, волшебно меняющие всё вокруг. Ещё только вчера он был полон решимости насолить Фёдорову и жениться на его любовнице Рошиной. Надо сказать, она была ему вполне приятна – значит, как для себя решил, сможет жить с ней бок о бок.

А уже сегодня утром, проснувшись и ощутив себя неприлично счастливым, вдруг увидел и прелесть опавших разноцветных листьев под ногами, и приятное тепло утреннего осеннего солнца, и голубизну неба, и, за завтраком, непередаваемый запах кофе и булочек. Глеб вдруг понял, что не вполне готов потерять нечто большее, чем статус свободного мужчины, женившись на девушке, которую никогда не любил. Осознал, что может потерять вкус к жизни. А жизнь он любил, во всех её проявлениях. С другой стороны, обещал жениться, а Светлов считал себя человеком чести. С чего это взял, Глеб и сам себе объяснить не мог, а вот поди ж ты, с самого детства старался изо всех сил быть верным своим обещаниям. Так что теперь ему оставалось или нарушить своё слово перед Татьяной, или выполнить его и жениться на нелюбимой девушке.

– Мы поженимся, – твёрдо произнёс, синие глаза блеснули сталью, а между бровей залегла тонкая морщинка. Светлов слегка отступил в сторону, открыл дверь и вышел в коридор.

Михаил Фёдоров видел, как Татьяна и Глеб вместе зашли в гримерную, но вскоре Светлов вышел один, и вид у него был не вполне довольный и, даже можно сказать, крайне озабоченный.

– Глеб, пожалуйста, зайди ко мне на пару минут, – Михаил жестом указал на открытую дверь своего кабинета.

«Теперь ещё и шеф начнёт мозги вправлять», – про себя огрызнулся Светлов, но, изобразив на лице самую доброжелательную улыбку, проследовал в кабинет.

– Глеб, знаю, что не вправе вмешиваться в твою личную жизнь, но ты ещё юный, неопытный. Боюсь, некоторые прописные истины, продиктованные жизнью, тебе не знакомы. Присядь, пожалуйста, и послушай, что скажу. Ты ещё слишком молод, и у тебя вся жизнь впереди. Уважаю твой талант и интеллект, но хочу предупредить о последствиях необдуманного брака с нелюбимой женщиной. Сможете вы жить совместно или нет – не самое важное. Подумаешь, делов-то: возьмёте и разбежитесь, если всё опротивеет. А теперь представь: у вас родится ребёнок. Ведь семья – это не только мужчина с женщиной, которые живут и спят вместе. Семья создаётся для возможности продолжить свой род. Это и есть тот основной смысл в жизни, который, боюсь, тебе ещё не доступен.

Произнося проникновенную речь, Фёдоров вложил всё своё актёрское мастерство и душу. Теперь смотрел на Светлова, пытаясь понять, насколько смог достучаться до разума.

Надо отдать должное Глебу. Он слушал внимательно старшего наставника по театру и соперника в постели невесты. Когда Фёдоров замолчал, Глеб продолжил молчать некоторое

время, а затем повернулся всем корпусом и произнёс, чеканя слова, но при этом не повышая тона:

– Да пойми ж ты, не могу уже отступить, обещал ей жениться и женюсь. В этом и есть проблема. Если она сама откажется от меня, тогда да, это будет её решение. – Глеб тупо мотнул головой.

Его радужная утренняя эйфория постепенно растаяла и остались только горькое сожаление и куча осенних листьев за окном, которые лениво шевелил и перебрасывал с места на место тёплый ветерок. Глеб Светлов встал, продолжая смотреть в глаза Михаила, затем выпрямился и вышел из кабинета.

Когда дверь за молодым человеком закрылась, Фёдоров дал себе волю и даже хлопнул ладонью по столу.

– Ну что ты будешь делать с этими упрямыми ослами. Придётся принять более радикальные меры.

11

СССР, город Иваново.

Старая железнодорожная платформа в городе Иваново пахла мокрой пылью, плесенью и машинным маслом. Пассажиры выходили из вагонов, поудобнее перехватывали свой багаж и устремлялись на вокзальную площадь. Осенний дождь рябил лужи, мыл стылой влагой остатки листьев на липах, размазывал слой серо-бурой пыли на жёлтых стенах старого вокзала. Стекающая вода сделала чёрную трещину в углу здания ожившей. Казалось, кусок стены вместе со штукатуркой вот-вот отвалится и придавит спешащих людишек.

Ничего не изменилось с тех пор, как Нелли так удачно смогла перебраться в Ленинград, а вот теперь вернулась в Иваново к матери. Хлюпанье воды под ногами пробегающих людей дополняло заунывную музыку осеннего дождя. Нелли вдохнула сырость и ощутила, как стыннут плечи под мокрым пальтишком. С ночи болела голова. Девушка поправила объёмистую сумку на плече, перехватила поудобнее вторую и подняла из лужи тяжёлый чемодан. Ноги окончательно промокли, руки окоченели. Нелли робко взглянула на Виктора, своего новоиспеченного мужа. Тот, пробегая рядом, казалось, не только не желает её знать, но и в упор не видит. А ведь всё складывалось так удачно. Они могли остаться жить в Ленинграде в отдельной квартире. Но неожиданно Виктора по состоянию здоровья списали на берег, а вместе с ним уволили и Нелли.

Девушка кое-как доковыляла до остановки. Старенький автобус, надрывно рыча, остановился, со скрипом и лязгом открыл двери. Пассажиры выскакивали в дождь, раскрывали зонты и устремлялись к перрону. Нелли толкали, и она никак не могла забраться на скользкие ступеньки. Вдруг кто-то больно ударил её в лоб. Девушка не удержалась и под тяжестью поклажи рухнула в ближайшую лужу. Когда автобусные двери закрывались, она успела рассмотреть злобно ухмыляющегося Виктора. Следующий автобус, идущий на окраину города в район Нежданово, будет только через полчаса.

Нелли выбралась из лужи. Грязные потоки воды стекали и с неё самой, и с поклажи. Куда теперь податься? В таком виде её и в транспорт не пустят. До дома матери от вокзала идти больше часа, а с тяжёлыми сумками...

Свинцовое небо выпустило на мокрый город сумерки. Зажглись фонари, подсвечивая жёлтым светом рябь на лужах. Нелли окончательно промокла и замерзла. Не доезжая до остановки, затормозила красавица «Волга». Водитель вышел, помог мужчине в дорогом пальто выбраться на мокрый асфальт и раскрыл над ним зонт. Человек быстро засеменил к зданию вокзала. Водитель «Волги» собрался усесться в машину, но неожиданно направился к остановке.

– Нелли? Неужели это ты?

Девушка встрепелась и удивлённо уставилась на парня перед ней:

– Слава?

– Да, я. Ты автобус ждешь?

– Пропустила, не смогла с сумками забраться. Теперь жду следующий, – Нелли невольно поёжилась.

– Так давай подвезу, всё равно домой еду, – улыбнулся парень.

– Ой, это было бы хорошо. Только я вот ещё и в лужу упала, – Нелли потупила глаза.

Поросячьи глазки на квадратном лице цепко осмотрели размер катастрофы.

– Это ничего. У меня в багажнике плёнка есть. Когда для хозяина на рынок езжу, то сиденья и багажник ею застилаю.

Парень легко поднял тяжёлый чемодан, сумку и быстро вернулся к машине.

– Ну что ты замерла? Иди быстрее.

«Волга», разбрызгивая потоки воды, стремительно двигалась по новому проспекту. Нелли благодарила Провидение за такой щедрый подарок. Её все ещё трясло от холода, согреться в промокшей одежде не удавалось. Она посматривала на размытые пятна огней за окном.

– Ты вернулась навсегда? – Слава глянул на Нелли и снова перевёл взгляд на дорогу.

– Да, вернулась, буду работу искать, – вяло ответила девушка.

– Рад тебя видеть.

– Извини, мне сейчас ни до чего. Замерзла, устала...

Машина въехала в старый район, застроенный деревянными домами. Пейзаж превратился в истинно деревенский. Колеса заскользили по размытой грунтовке. Машина остановилась перед крепким пятистенком, крытым новым железом.

– Ой, Слава, даже не знаю, как тебя и благодарить... – Нелли покосилась на парня.

– Знаешь, милая, знаешь, – усмехнулся Слава и упёрся взглядом в пышную грудь пассажирки.

– Но я...

– Да, ты устала, промокла...

– Не в этом дело. Я...

– Пошли ко мне. Теперь один живу, – Слава выжидательно замер.

Глаза девушки задумчиво вспыхнули:

«Ну проведу с ним эту ночь, и что такого. Да и мать всё равно не знает, что я вернулась.»

Слава принял молчание за знак согласия и, проехав ещё метров сто, загнал «Волгу» во двор своего дома.

Парень отправился на кухню, но перед этим завернул в гостиную и включил проигрыватель. Старый фокстрот «Брызги шампанского», поскрипывая и пришепётывая, заструился вдоль пахнущих деревом стен, чистых накрахмаленных занавесок, забрался под стол, покрытой скатертью с кистями. Виниловая пластинка слегка подрагивала, воссоздавая чудесную мелодию. Нелли вслушалась в звуки музыки, улыбнулась уголками губ и даже начала напевать.

– Та-та-та, та-та, та-та-та...

Все неприятности растворились, нервы улеглись, и даже чертенята, жаждавшие мести Виктору, угомонились. То, как он себя повёл, когда узнал об увольнении, было обидным. А ещё обиднее было его сегодняшнее поведение. Но теперь кроме обиды в душе зашевелилось что-то ещё, нечто важное. Только пока не поняла, что это такое.

Слава налил в бокалы вина. Поставил на стол тарелку с сыром и ветчиной, коробку шоколада. Нелли выпила залпом. Слава налил ещё, а она повторила. Задумчиво сжевала нарезку с тарелки, потянулась к шоколаду, но передумала. Нелли положила на мощные мужские плечи озябшие ладони и потянула парня на себя.

– Раз, два, три... раз, два, три...

Легкие шаги босых ног не совпали с тяжёлыми мужскими. Слава неловко поцеловал её в висок, а затем более уверенно отвёл мокрые волосы и коснулся губами шеи.

– Слава, от твоих поцелуев и вина у меня закружилась голова, – Нелли призывно улыбнулась.

– Значит, нужно прилечь, – в голосе парня проскользнуло удовлетворение.

– Ах!..

– Да и мокрую одежду давно пора снять, – он уверенно потянул платье, а Нелли послушно вскинула руки.

Музыка отозвалась всплесками страсти в растревоженном сердце. Нелли дала теплым сильным рукам раздеть себя, подалась вперёд, подставляя тело чуть шероховатым губам, нежно и бережно целующим. Прикрыла в истоме веки. Слава начал медленно, очень медленно – лёгкие прикосновения, поглаживания. И когда Нелли расслабилась и забылась, Слава изменил

тактику. Теперь темп стал безумным, неистовым, поглощающим. Нелли начала громко постанывать.

– Шлюха! Тварь! – дикие вопли заглушили звуки музыки и громкий звон разбитого стекла.

Слава даже ухом не повёл, перевернул Нелли на живот, приподнял над кроватью, сжимая огромными лапищами возбуждённое тело, и лишь увеличил темп движения мощных бёдер.

– Шлюха! Гадина! Ты с этим... Шлюха! – Виктор Табунов старался протиснуться в разбитый проём окна.

Слава блаженно улыбнулся, как ни в чём не бывало, сел на кровати и воззрился на порезанного осколками стекла бывшего друга детства, застрявшего в разбитом окне.

12

СССР, Москва.

В день, на который была назначена свадьба Глеба и Татьяны, почти все актёры театра-студии «Молодость» собрались в большой квартире Бурдиных на Тверской улице в центре Москвы. Молодые люди сдвинули столы, накрыли их огромной скатертью, расставили тарелки с закусками и салатами. Стульев всем гостям не хватило, их пришлось позаимствовать у соседей. Кто-то включил музыку и регулярно менял пластинки для создания атмосферы праздника.

Раз-два, туфли надень-ка,
Как тебе не стыдно спать!
Славная, милая, смешная «Енька»
Нас приглашает танцевать...

Весёлая музыка громко разносилась по квартире и вылетала в открытое окно на московскую улицу.

Скоро улица нам тесной стала,
Целый город пробудили мы от сна.
И так задорно в небесах плясала
«Еньку» вместе с нами до утра луна...

Молодые люди, одетые празднично, громко напевали популярную песенку, а некоторые пританцовывали в такт. Девушки покачивали высоко взбитыми по последней моде причёсками и соревновались, у кого пышнее юбка. Парни щеголяли в безумно зауженных брюках-дудочках.

Наконец в дверях появились молодожёны и сопровождающие. Все зааплодировали и начали наперебой поздравлять. Рошина выглядела несколько растерянной. Простое белое шёлковое платье плохо сидело и никак не шло ей к лицу. Но курчавые волосы, огромные выразительные глаза и румянец на пухлых щеках выгодно дополняли образ невесты. Глеб щеголял в элегантном костюме – узком, облегающем высокую фигуру. А из ботинок виднелись носки красного цвета, что считалось последним «писком моды». Синие глаза смотрели с некоторой тревогой и усталостью, а аристократическая осанка и приятные манеры дополняли образ настоящего сказочного принца-жениха. Все девушки единогласно признали его неотразимым, и многие со вздохом отметили, что теперь Глеб Светлов больше не свободен.

Гости разместились за столом. Во главе, как и водится на свадьбах, посадили новобрачных. Надо сказать, ни родители жениха, ни родители невесты не присутствовали на этом празднике, что вызвало некоторое недоумение среди приглашённых. Но это никак не отразилось на оживлённой атмосфере происходящего. Кто-то из гостей с громким хлопком открыл бутылку шампанского и стал наливать пенящееся вино в бокалы. Гости за столом, весело переговариваясь, тоже потянулись к бутылкам с игристым вином.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.